

Галина Бабкова

«По несовершенству лет...»: малолетние преступники в пенитенциарной системе России 18 в.

Abstract

In the second half of the 18th century there was a fundamental transformation of laws regarding under-age criminals in Russia. With the decree of 16 June, 1765 for the first time in Russian jurisprudence there was a clear cut designation of the age of majority (17) as well as a fixed age of criminal responsibility (10). The system was significantly mollified as were the principles of incarceration as they applied to under-age criminals by exempting them from general criminal sanctions. These tendencies had particular currency against the background of changes taking place in Western Europe in the 17th and 18th centuries in the status of babies with regard to families as well as to the whole of society. Through legislation which defined the age of criminal majority and established special principles for imposing punishment on the under-aged, the government "revealed" childhood by inculcating in the public consciousness the idea of it as special period of life separate from adulthood.

Резюме

Во второй половине XVIII в. в России происходит кардинальная трансформация законодательства в отношении малолетних преступников. В соответствии с указом от 26 июня 1765 г. впервые в русском праве была четко обозначена возрастная планка наступления уголовной дееспособности (17 лет), а также зафиксирован возраст полной недееспособности (10 лет). Была значительно смягчена система и принципы пенитенциарного воздействия на малолетних преступников через изъятие их от общеуголовных санкций. Особую актуальность указанные тенденции имели на общем фоне фиксируемых в Западной Европе в XVII-XVIII вв. изменений в положении ребенка в рамках как семьи, так и социума в целом. Законодательно закрепляя возрастную границу уголовной правоспособности и устанавливая для малолетних особые принципы наложения наказаний, государство, тем самым, «открывало» детство, внедряя в общественное сознание представление о нем как об особом, отличном от взрослого, периоде жизни.

Постановка проблемы

В российской историографии последних лет наблюдается значительный интерес к проблематике «истории детства», выделившейся, как известно, в качестве «новой междисциплинарной области исследования»¹ в 60-х гг. XX в. В рамках данного направления объектами исследования становятся формы самоописания и восприятия детства в различные исторические периоды², детско-родительские отношения (а в более широком смысле - семья и

¹ Зарецкий Ю.П. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к новому времени // Неприкосновенный запас. 2008. Т. 58. № 2. С. 220-231.

² Природа ребенка в зеркале автобиографии: Учебное пособие по педагогической антропологии / Под ред. Б.М. Бим-Бада и О.Е. Кошелевой. М., 1998; Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI-XVIII вв.): учебное пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000; Она же. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени // Социальная история: ежегодник. Вып. 2. М., 1999. С. 177-202; Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего нового времени (III-XVI вв.): учебное пособие по педагогической антропологии / Состав. и ответ. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001; Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве эпохи рационализма и Просвещения (XVII-XVIII вв.): учебное пособие по педагогической антропологии / Состав. и ответ. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001; Зарецкий

родство)³, становление и развитие форм и институтов социального дисциплинирования⁴, историко-педагогический процесс⁵ и т.д.

<1>

На этом фоне практически незатронутой остается проблема детской преступности в исторической перспективе с точки зрения как ее внутренней специфики (возрастные, социальные, гендерные и т.д. характеристики отдельных несовершеннолетних правонарушителей и преступных сообществ, виды и количество совершаемых деяний и т.д.), так и государственной политики и ее эволюции в указанном вопросе. Определенные достижения в этой области были сделаны в дореволюционных историко-юридических исследованиях, в фокус внимания которых проблемы детской преступности попали в 70-х гг. XIX в. в связи с изучением последствий судебной реформы 1864 г.⁶ Определенным этапом в исследовании данного направления стал выход в свет в 1912 г. под редакцией М.Н. Гернета большого коллективного труда *Дети-преступники*, в основу которого легла детальная обработка данных о преступлениях, совершенных малолетними в Москве в 1908-1909 гг. Однако основной акцент в указанной работе был сделан на «социологической», а не «юридической» составляющей детской преступности. Для авторов сборника это означало установку на выяснение «условий жизни ребенка, толкнувших его на путь преступления» и, как следствие, на вывод о необходимости борьбы с противоправными деяниями малолетних через

Ю.П. Детство в ренессансной автобиографии // Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 233-238; Безрогов В.Г. Воспоминания о детстве как источник по истории религиозной социализации в христианской культуре (XVII-XX вв.) // Вестник университета российской академии образования. 2002. № 3. С. 93-125; Александрова Н.В. Дети и детство в восприятии российского дворянина (по материалам мемуаристики второй половины XVIII в.) // Философская культура мышления. Вып. 2. Челябинск, 2004. С. 199-210; Долгов В.В. Детство в контексте древнерусской культуры XI-XIII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 72-85; Бесчасная А.А. Детство: история и современность. СПб., 2007.

³ Пушкарева Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X-XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 93-105; Кудрявцева Е.Б. Дети в семейной иерархии и воспитание русского дворянства в XVIII в. // Образование в пространстве культуры. Вып. 2. М., 2005. С. 109-117; Четырена Н.А. Материнство и детство в конце XVIII – начале XIX вв. По данным метрических книг Сергиевского посада // Материнство и детство в России XVIII-XXI вв. Вып. 2. М., 2006. С. 85-107; Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. Раздел III.

⁴ Лавринович М.Б. За фасадом российского Просвещения: питомцы Московского воспитательного дома о своей жизни // Отечественные записки. 2007. №4.

⁵ Кошелева О.Е. «История детства» как способ реконструкции и интерпретации историко-педагогического процесса в зарубежной историографии // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография / Под ред. Г.Б. Кортнева и В.Г. Безрогова; Бим-Бад Б.М. Изучение людей как воспитателей и воспитуемых // Вестник университета российской академии образования. 2002. № 3. С. 3-37; Корнетов Г.Б. Антропологический контекст интерпретации историко-педагогического подхода // Там же С. 67-79.

⁶ Богдановский А. Молодые преступники. СПб., 1871; Дриль Д. Явления ранней преступности и развращенности у детей и подростков, их ближайшие причины и общественное значение // Юридический вестник. 1892. Т. X. Кн. III. С. 339-367; Кн. IV. С. 499-522; Добрынин Н.П. О влиянии юного возраста на преступную деятельность по данным русской уголовной статистики // Журнал министерства юстиции. 1898. № 3. С. 113-153; Тарновский Е.Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал министерства юстиции. 1899. № 9. С. 1-42; Малинин Ф. Причины детской преступности // Тюремный вестник. № 7. сентябрь. 1904. С. 512-520; Борткевич Я.П. Детская преступность // Тюремный вестник. № 10. 1905. С. 878-888.

«изменение социального уклада общества». В результате (несмотря на наличие соответствующей главы) значительно меньшее внимание уделялось, во-первых, истории установления возрастных пределов несовершеннолетия, а во-вторых, эволюции государственной политики в отношении малолетних правонарушителей и выявлению особенностей положения детей преступников в пенитенциарной системе России XVIII - начала XX вв.⁷

<2>

Между тем анализ развития судебно-следственных процедур, а также форм, способов и характера пенитенциарного воздействия государства на малолетних преступников представляется перспективным по нескольким направлениям. Во-первых, он позволяет установить круг законодательных актов, на основании которых принимались решения о методах проведения процесса в отношении несовершеннолетних и налагались наказания. Во-вторых, дает возможность через изучение «образа действия» судебно-следственных органов и их собственных «интерпретаций казусов»⁸ понять особенности восприятия и отношения государственной системы к детству в целом.

<3>

Указанная проблематика имеет особую актуальность для XVIII века, который «впервые» под влиянием идей Просвещения «осознанно поднимает тему детства», полагая «задачу воспитания детей <...> в новом гражданственном и просвещенном духе» одной из основных обязанностей государства⁹. Это тем более важно, поскольку вторая половина XVIII в. традиционно считается временем кардинальной трансформации законодательства в отношении малолетних преступников, изъятие которых от общегуголовных санкций произошло в соответствии с Сенатским указом от 26 июня 1765 г.

<4>

В данной связи значительный интерес представляет комплекс делопроизводственной документации, сложившейся, во-первых, в процессе выработки и утверждения вышеназванного указа, а во-вторых, в результате переписки между Сенатом и Экспедицией о колодниках при канцелярии Сената, с одной стороны, и Сыскным приказом, а затем образованной на его месте именным указом от 15 декабря 1763 г. Московской Розыскной экспедицией¹⁰, с другой стороны. Поводом для переписки стал сенатский указ, датируемый в *Полном собрании законов Российской империи* по дню его публикации 31 марта 1763 г.

⁷ Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 1, 5.

⁸ Черутти С. Скорый суд. Практика и идеалы правосудия в обществе старого порядка (Турин XVIII в.) // Непикосновенный запас. 2005. Т. 42. № 4. С. 5-18.

⁹ Кошелева О.Е. «Свое детство». С. 17, 24.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) Т. XVI. № 11989.

<5>

Законодательство в отношении несовершеннолетних преступников 1740-1750-х гг. и сенатский указ от 31 марта 1763 г.

Указ стал следствием обсуждения проблемы малолетних преступников в Сенате 28 февраля 1763 г., как было сказано «по указу Ее Императорского Величества». В результате всем судебным местам был направлен запрос с требованием в течение недели прислать в Экспедицию о колодниках «обстоятельные» ведомости о содержащихся у них малолетних, которые «оказываются в смертных убийствах и в других тяжчайших винах»¹¹, с указанием того, «ис каких они чинов» и какого возраста. Подобной практике предписывалось следовать «и впредь»¹².

<6>

Несмотря на упоминание в преамбуле сенатского постановления «указа Ее Императорского Величества»¹³, анализ формуляров протоколов заседаний Сената за 1763 г. позволяет утверждать, что в данном случае отсутствовало какое-либо устное или письменное постановление императрицы по этому поводу. Обсуждение того или иного вопроса в Сенате по непосредственному приказанию Екатерины II обязательно фиксировалось через упоминание либо лица, через которое было передано устное повеление императрицы, либо ее собственной резолюции «в высочайшее ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА пристудствие в Правительствующем Сенате», либо «подписания» на указе «собственной ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА руки»¹⁴. Во всех остальных случаях формуляр начинался с общей «шапки» – «по указу Ее Императорского Величества Правительствующий Сенат» слушал, и далее излагалась суть дела¹⁵.

<7>

Столь пристальное внимание Сената к несовершеннолетним подозреваемым, как представляется, было связано с общим стремлением правительства Екатерины II максимально оптимизировать и ускорить рассмотрение дел в судебно-следственных органах России. Как известно, 10 февраля 1763 г. состоялся именной («за подписанием собственной ЕЯ

¹¹ ПСЗ. Т. XVI. № 11782. В ПСЗ данный указ датирован днем печати, 31 марта 1763 г. Однако в переписке Сената и Экспедиции о колодниках и Сыского приказа, а затем Московской Розыскной экспедиции он фигурирует как «Правительствующего Сената февраля 28 дня сего 1763 года определение» / Российский государственный архив (РГАДА) Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1, 17, 29; Д. 3469. Л. 42-43.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1.

¹³ Это, однако, не означает, что Екатерина II не проявляла интереса к проблеме малолетних преступников. Об этом свидетельствует одна из ее недатированных записок, в которой она полагала возможным «смягчать жестокость наказаний, <...> устанавливая исключение для стариков, детей и единственных сыновей» (Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II / Изд. А.С. Суворина. СПб., 1907. С. 666-667). Характерно также и то, что проблемы детской преступности обсуждались в Сенате параллельно с созданием Московского воспитательного дома, открытого в соответствии с указом от 1 октября 1763 г. (ПСЗ. Т. XVI. № 11908).

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 3494. Л. 26, 114 и т.д.

¹⁵ Там же. Л. 11, 16, 34, 51 и т.д.; Д. 4918. Л. 29, 193, 440, 449, 1028, 1097.

ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА руки») указ Екатерины II, который устанавливал четкий срок (1 месяц) и алгоритм проведения следствия, в процессе реализации которого судьи должны были стараться избегать «напрасного кровопролития», используя в качестве основных следственных методов допросы, увещевания через священников, очные ставки, повальный обыск и только в крайних случаях – пристрастные расспросы и однократную пытку¹⁶.

<8>

12 февраля 1763 г. в исполнение данного именного указа Сенат предписал присылать в Экспедицию о колодниках из Москвы еженедельные, а из губерний, провинций и городов ежемесячные ведомости о содержащихся колодниках, темпах решения и решенных делах¹⁷. 6 марта 1763 г. Екатерина II, присутствуя на заседании Сената, еще раз настоятельно подчеркнула необходимость исполнения вышеназванных указов, отмечая, что ей «известно, что в судебных местах дела о колодниках весьма долговременно без решения остаются»¹⁸.

<9>

Ситуация с рассмотрением дел, в которых были замешаны малолетние, прямо противоречила намерению власти «о скорейшем» и в «указные сроки» о «колодниках решении»¹⁹. В печатном варианте указа от 28 февраля 1763 г., которая появилась 31 марта того же года, Сенат мотивировал необходимость «иметь рассуждение о малолетних» тем фактом, что они «содержатся в разных местах до указа (курсив мой – Г.Б.) под караулом». Данное утверждение – об отсутствии указа – может показаться несколько странным, поскольку как в дореволюционной, так и в современной историографии устоявшимся является мнение о том, что законодательство в отношении малолетних правонарушителей было модифицировано сенатскими постановлениями от 23 августа 1742 г. и 18 июля 1744 г. Как известно, они состоялись по делу обвинявшейся в убийстве 14-летней Прасковьи Федоровой и устанавливали сначала 17, а затем 12 лет как возраст совершеннолетия и изымали несовершеннолетних преступников от смертной казни и наказания кнутом, заменяя ее плетью и ссылкой в монастырь на различные сроки в зависимости от тяжести содеянного²⁰.

<10>

Однако, как явствует из обсуждения проблемы законодательного регулирования ответственности несовершеннолетних преступников в Сенате в 1763-1765 гг., ни один из упоминавшихся сенатских указов в действительности не имел законной силы. Будучи представлены Елизавете Петровне в виде сенатских докладов, они так и не были подтверждены последней, хотя передавались на ее рассмотрение четырежды – в 1742, 1744,

¹⁶ РГАДА. Д. 3494. Л. 26; ПСЗ. Т. XVI. №. 11750.

¹⁷ Там же. Л. 51-51 об; ПСЗ. Т. XVI. №. 11752.

¹⁸ Там же. Д. 3495. Л. 32.

¹⁹ Там же. Л. 33.

²⁰ ПСЗ. Т. XI. № 8601; Т. XII. № 8996.

1746 и 1750 гг.²¹. Следовательно, вышеназванные «мнения» не оказывали никакого влияния на судопроизводственную практику судебно-следственных органов России XVIII в. ни с точки зрения определения возраста совершеннолетия, ни в вопросе выбора процессуальных мер и вынесения приговора.

<11>

Это подтверждает и анализ делопроизводственной переписки Сысского приказа/ Московкой Розыскной экспедиции и Экспедиции о колодниках и Сената по поводу указа о малолетних преступниках от 28 февраля 1763 г.

<12>

Из Экспедиции о колодниках указ был разослан в «коллегии, канцелярии, конторы, губернии, провинции» 1 апреля 1763 г.²² Сысский приказ направил в Экспедицию о колодниках составленную по хронологическому принципу ведомость о «осмнатцети» содержащихся там малолетних подследственных 17 апреля 1763 г. (получена 29 апреля 1763 г.) 6 мая того же года при рапорте из Экспедиции о колодниках ведомость была передана в Сенат²³, который «слушал» ее 16 мая и принял постановление о явной недостаточности полученных сведений для вынесения окончательного решения по делам о малолетних – «за кратостию точного решения учинить не можно»²⁴. В связи с этим Сысскому приказу указом от 29 мая 1763 г. надлежало уже не просто составить «обстоятельные» описания дел о несовершеннолетних, но и прислать «экстракты» о каждом из них «порознь», сопроводив их собственным «рассмотрением»²⁵. 5 июня 1763 г. Сысский приказ направил в Экспедицию о колодниках рапорт с информацией о «девятнадцати человеках»²⁶. Неудовлетворительность продолжавших поступать с мест сведений²⁷ заставила Сенат вынести выговор ряду мест, в том числе и Сысскому приказу, и 9 октября 1763 г. направить во все воеводские, провинциальные и

²¹ Мнения Сената 1742 и 1744 гг. касались дела 14-летней Прасковьи Федоровой, которая обвинялась в убийстве «двух крестьянских девок». Причина, вынудившая Сенат обсуждать в полном составе дело П. Федоровой 17, 23 и 29 декабря 1741 г. и 30 июля 1742 г., состояла в том, что в «Уложении и в указах» не было «точно изображено, <...> до которых лет малолетние, явившиеся в таких важных винах от пытки и от смертной казни увольняются». Поэтому, ссылаясь на указ от 17 апреля 1722 г., в силу которого в случае невозможности решить то или иное дело по существующим законам, Сенат наделялся правом «мыслить и толковать под присягою», он предложил Елизавете Петровне «мнение», которое и обсуждалось в ее присутствии 15 октября 1742 г. Императрица постановила «отослать к рассуждению в Святейший Синод». Совместно Сенат, коллегия и Синод обсуждали дело П. Федоровой и составили доклад на имя Елизаветы с просьбой «указа» 13 апреля 1744 г. Указанные мнения были представлены на рассмотрение Елизаветы еще раз дважды в 1746 и январе 1750 г., однако «конфирмации не последовало» / ПСЗ. Т. XI. № 8601; Т. XII. № 8996; РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 987-1028, 1080-1081.

²² Там же. Д. 3469. Л. 44-47 об.

²³ Там же. Л. 89-98 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 3469. Л. 99-99 об.

²⁵ Там же. Д. 4918. Л. 29.

²⁶ Там же. Л. 30, 31-107.

²⁷ «...во оных местах дела о малолетних следствием окончены, а какому наказанию оные малолетние по делам их последуют, о том не объявлено <...> там же малолетним леты прописывают, коликих лет и кто из них в то время был как виновным оказался и в содержание вступил <...> ис чего бывает сумнительство и остановка» / РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 306, 440-440 об.

губернские канцелярии новый указ, который регулировал характер информации, обязательной к присылке в Экспедицию о колодниках. Во-первых, необходимо было представлять о каждом малолетнем отдельно «со мнением тех мест», во-вторых, в экстрактах надо было «прописывать» возраст несовершеннолетних «в то время, как винны оказались и в содержание вступили», в-третьих, данные о малолетних должны были сообщаться, «отличая <...> от прочих содержащихся колодников», в четвертых, Сенат еще раз подчеркивал, что подобной практике надлежало следовать «и впредь», фактически становясь судом первой инстанции по делам о детях преступниках²⁸. В Московскую Розыскную экспедицию дубликат указа был направлен 12 января 1764 г., она в свою очередь не только рапортовала о его исполнении, но и 31 марта 1764 г. отправила в Сенат перечень из 17 находившихся в тот момент под следствием малолетних подозреваемых, сопроводив его экстрактами из дел каждого²⁹.

<13>

Малолетние преступники в Сыском приказе и Московской Розыскной экспедиции: принципы проведения следствия

В целом ведомости, присланные из Сыского приказа и Московской Розыскной экспедиции в 1763-1764 гг., содержат информацию о 23 несовершеннолетних колодниках. Указанные лица (часть из них, как будет отмечено далее, была уже «в совершенных летах») обвинялись в пристанодержательстве (П. Егоров), а также совершении 5 убийств (И. Попов, В. Сафонов, Ф. Пучков, Я. Муратов, Н. Алексеев, И. Петров, И. Иванов, Г. Виноградов, И. Бахирев), 5 побегов и краж (В. Бессонов, С. Лукьянов, Д. Петров, И. Авдеев), 5 краж (М. Кордюков, И. Лукьянов, И. Яковлев, Я. Гречев, Г. Пузиков), 3 поджогов (А. Андреева, А. Степанова, Ф. Антипова), 1 разбоя (Т. Соколов).

<14>

Причем в 8 случаях (С. Лукьянов, П. Егоров, Т. Соколов, И. Иванов, Д. Петров, В. Бессонов, И. Петров, Я. Гречев) несовершеннолетние были вовлечены в преступный заговор или участвовали в совершении преступления вместе со взрослыми.

<15>

Анализ ведомостей, присланных в Сенат и в Экспедицию о колодниках из Сыского приказа и Московской Розыскной экспедиции в 1763-1764 гг., позволяет сделать следующие выводы:

<16>

Возраст «малолетства»

1. В Сыском приказе и Московской Розыскной экспедиции к категории малолетних относились

²⁸ Там же. Л. 197, 440-440 об.

²⁹ Ведомости, присланные из Сыского приказа, в действительности содержали информацию о 20 несовершеннолетних. Поскольку В. Сафонов, Ф. Пучков, Я. Муратов, Н. Алексеев, а также Г. Виноградов и И. Бахирев проходили фигурантами по одним и тем же делам/ Там же. Л. 108-109, 449-449 об, 476.

лица, достигшие 19 лет³⁰. Совершение преступления до указанного возрастного предела было главным основанием для изъятия их от общеуголовных судебно-следственных методов и санкций³¹. При этом стоит отметить, что понятие «малолетний» как качественная характеристика возрастного состояния в экстрактах применялось только к лицам до 12 лет (как преступникам, так и потерпевшим). В отношении остальных возрастных категорий понятия «малолетства» или «несовершенства лет» использовались в основном в качестве мотивационного объяснения повода принятия по их поводу тех или иных решений. Так, последовательно «малолетними» названы: зарезанный Иваном Поповым в 1749 г. девятилетний сын попа Матвей Сергеев, убитый Григорием Виноградовым и Иваном Бахиревым в 1752 г. «на сырной неделе» семилетний «вотчины графа Петра Борисович Шереметва оброчного крестьянина Елисея Федорова малолетной сын ево Григорий Елисеев», обвинявшаяся в поджоге хозяйского дома в 1759 г. Фекла Антипова. 12 лет, соучастник убийства своего владельца князя С.Ф. Сологови в 1762 г. одиннадцатилетний Илья Иванов³².

<17>

В определенной степени подобная трактовка малолетства совпадала с мнением Синода о границах наступления правоспособности, которое он представил в Сенате в июле 1744 г. Сделав «с Кормчею книгу справку», Синод пришел к выводу, что от пытки, смертной казни и наказания кнутом могут освобождаться только дети, не достигшие двенадцатилетнего возраста – «коим от рождения еще 12 лет не исполнилось», – поскольку именно с этого времени они могли вступать в брак и присягать³³.

³⁰ В законодательстве предшествующего периода не существовало четких возрастных пределов наступления полной дееспособности. Соборное Уложение в данном случае оперировало тремя возрастными пределами – 15, 18 и 20 лет. С 18 лет молодые люди считались годными к военной службе (гл. VII. п. 17), затем эта планка была опущена до 15 лет (ПСЗ. Т. I. № 86; Т. III. № 1702), бывших крайним возрастом приведения к присяге, и то «по нужде» (гл. XIV. п. 1,5), и права родителей давать служилые кабалы на своих детей (гл. XX. п. 110). При этом Уложение не поясняло, являлись ли дети моложе 15 лет полностью невменяемыми в отношении уголовных преступлений. Впервые об этом говорят Новоуказные статьи, освобождавшие детей моложе 7 лет от уголовной ответственности за совершенное ими убийство (ПСЗ. Т. I. № 441. ст. 79).

Петровское законодательство, 10 пункт VI главы Воинских процессов, освобождало «недорослей» от пытки (кроме государственных дел и дел об убийствах), не поясняя, однако, до какого возраста их можно считать такими. Эта же неясность присутствовала и в толковании к 195 артикулу Воинского устава, который предусматривал возможность уменьшения или отмены наказания в том случае, если кража была совершена «младенцем, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть». В соответствии с 2 пунктом 3 главы Воинских процессов свидетелями не могли быть «младенцы или которые еще 15 лет не имеют» (ПСЗ. Т. V. № 3005).

³¹ Преступления, дела по которым рассматривались в Сыском приказе, а затем Московской Розыской Экспедиции в 1763-1764 г. были совершены малолетними следующих возрастов: Иван Попов – 10 лет, Пантелей Егоров – 18 лет, Иван Авдеев – 16 лет, Яков Гречев – 14 лет, Иван Авдеев – 16 лет, Василий Бессонов – 18 лет, Василий Сафонов – 15 лет, Федов Пучков – 12 лет, Яков Муратов – 14 лет, Никита Алексеев – 18 лет, Иван Петров – 17 лет, Максим Кордюков – 15 лет, Данила Петров – 16 лет, Илья Иванов – 11 лет, Игнатий Лукьянов – 19 лет, Аксинья Андреева – 14 лет, Тимофей Соколов – 16 лет, Фекла Антипова – 12 лет, Игнатий Яковлев – 19 лет, Григорий Виноградов – 15 лет, Иван Бахирев – 12 лет, Аксинья Степанова – 15 лет, Степан Лукьянов – 17 лет, Григорий Пузиков – 13 лет.

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 53-55 об, 129-131, 100-103 об, 159 об-162,

³³ ПСЗ. Т. XII. № 8996. В установлениях Московского воспитательного дома фигурировали следующие возрастные границы: 6-7 лет, «оба пола» живут вместе, начинают упражняться в легкой работе. 7-11 лет ходят «по одному часу в школу», 11-14 лет – усложнение работы, в «14 или 15» лет «должны приготовиться к совершительному окончанию разных мастерств // ПСЗ. Т. XVI. № 11908. п. 5-8.

<18>

Позиция Сената в отношении трактовки 19 лет как границы наступления полной уголовной вменяемости была двойственной. Об этом свидетельствуют дела Игнатия Яковлева и Игнатия Лукьянова. И тот, и другой были пономарями и обвинялись в краже, обоим в момент совершения преступления было по 19 лет. В деле Игнатия Яковлева, который поступил в Московскую Розыскную экспедицию из духовной консистории «преосвященного Феодосия, епископа Коломенского и Каширского» 5 марта 1764 г. по обвинению в краже церковных вещей их церкви Успения Пресвятой богородицы, Сенат не утвердил «мнение» экспедиции, предлагавшей вместо положенной за подобное преступление смертной казни – в соответствии с указом от 30 сентября 1754 г. она заменялась жестоким наказанием кнутом, поставлением «указных знаков» и ссылкой в Нерчинск в «тяскую работу» – приговорить его к простому наказанию кнутом и «послать в ссылку в Нерчинск вечно». С точки зрения Сената, «в разсуждении того, что он уже девятнадцати лет», Яковлев заслуживал полного наказания³⁴.

<19>

Противоположная ситуация сложилась в деле Игнатия Лукьянова, доставленного в Сыскной приказ 14 марта 1763 г. по обвинению в краже из приходской церкви похвалы Богородицы «со образа <...> Владимирской богородицы <...> убруса низанного жемчужного, да с образа Спасителя риза серебряная кованная вызолочена и жемчугом низанная». И. Лукьянов показал, что ему 17 лет, однако, основываясь на справке из «исповедных ведомостей» Московской духовной консистории, в соответствии с которой в 1762 г. Лукьянову было 18 лет, Сыскной приказ пришел к заключению, что он «ныне имеет быть» девятнадцати лет. «Несовершенство лет» И. Лукьянова было учтено в поданном в Экспедиции о колодниках мнении. Московская Розыскная экспедиция предлагала вместо смертной казни присудить И. Лукьянова к «нешадному» наказанию плетьюми и ссылке в Нерчинск «в работу вечно». «Резоны» экспедиции были приняты во внимание Сенатом, который в июне 1764 г. приговорил И. Лукьянову к простому наказанию плетьюми и ссылке в Нерчинск³⁵.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 213-220 об, 276. В Экспедиции о колодниках 18 лет также полагались в качестве возрастной границы совершеннолетия. Доказательством этого может служить переписка между экспедицией и Краснослободской управительской канцелярией Сибирской губернии. 15 мая 1763 г. в силу указов от 10 и 17 февраля 1763 г. канцелярия направила в экспедицию ведомость о 22 делах, которым «производства чинятца <...> сего 1763 года апреля месяца». Ведомость была получена в Экспедиции о колодниках 23 сентября и слушана 15 октября того же года. В результате в Краснослободскую управительскую канцелярию был послан указ, суть которого сводилась к следующему. Во-первых, Экспедиция о колодниках настаивала на необходимости «непременно» решать дела в срок (один месяц) и в соответствии с процедурой, предписанными указом от 10 февраля 1763 г. Во-вторых, она требовала объяснений, почему не выполняется указ от 28 февраля 1763 г. и в экспедицию не только не была прислана информация об обвинявшемся в соучастии в разбое в сентябре 1762 г. Трофиме Гольянов, которому на момент совершения преступления было 18 лет, но и 15 января 1763 г. канцелярия приняла решение о применении в его отношении «розысков», т.е. пыток, для производства которых он вместе с другими фигурантами дела был направлен в Сибирскую Губернскую канцелярию. Пока продолжалась переписка (октябрь 1763 - июнь 1764 гг.) Сибирская губернская канцелярия в ноябре 1763 г. окончила следствие по делу, а Трофим Гольянов «по учинении наказания послан на работы в Нерчинские заводы» (Там же. Д. 3474. Л. 102 об, 109-118)

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 105, 172, 195.

<20>

В действительности в деле Игнатия Яковлева ситуация с его возрастом была несколько сложнее, чем представлялось Сенату. Это было связано с общими принципами определения возраста поступавших в Сыскной приказ и Московскую Розыскную экспедицию колодников. Во-первых, при первых расспросах колодники сами «показывали», сколько им лет, а во-вторых, вышеназванные инстанции могли направить запрос, как правило, в Камер-коллегию с целью сверки показаний подследственных с данными второй ревизии (1744-1747 гг.). Очень часто выяснялись существенные разночтения. При этом в большинстве случаев малолетние завышали свой фактический возраст. Так, Игнатий Яковлев «от роду показал себе девятнадцать лет», но в ревизии «написан» не был. Это означало, что либо по каким-то причинам Яковлев не был учтен, либо он родился во время или после ревизии и, следовательно, на момент совершения преступления ему было 17 лет. Как представляется, Московская Розыскная экспедиция учитывала данный факт, будучи склонной принимать во внимание не тот возраст, который указывали сами подследственные, а тот, который фигурировал в материалах второй ревизии³⁶.

<21>

Подобная ситуация четко фиксируется в деле Ивана Попова, который обвинялся в убийстве, совершенном в 1749 г. При первых допросах Попов «показывал себе от роду семнадцать лет», но справкой из Камер-коллегии было показано, что «в бывшую новую [т.е. вторую 1744-1747 гг.] ревизию написан он осми лет» и, следовательно, как отмечал Сыскной приказ, на момент совершения убийства «он Попов был с небольшим десяти лет»³⁷. Присутствовала неясность в возрасте и в деле Пантелея Егорова, представленного в Сыскной приказ по обвинению в пристанодержательстве и продаже краденного 4 мая 1761 г. Сам П. Егоров показывал, что ему 18 лет. Однако и справка из «Камор-коллегии», и ответ на запрос из вотчины Н.А. Корфа, крепостным которого Егоров был, однозначно утверждали, что во время проведения второй ревизии Пантелей не был «написан» при его отце Егоре Анофриеве, поскольку «родился после ревизии». Значит, на момент совершения преступления ему могло быть около 14 лет³⁸. Приблизительно такого же возраста могли быть и обвинявшийся в побеге и краже Иван Авдеев, утверждавший, что ему 16 лет, а также заявивший, что ему 17 лет, Степан Лукьянов. Они оба «не явились в подушном окладе», т.е. не были учтены во второй ревизии³⁹.

<22>

Законодательная база

2. Практика разбирательства дел, в которых главными субъектами преступления или

³⁶ Там же. Л. 220 об.

³⁷ Там же. Л. 70об, 75.

³⁸ Там же. Л. 10 об, 134 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 80, 229 об.

сообщниками выступали несовершеннолетние преступники, в Сыском приказе и Московской Розыскной Экспедиции в 1750-х-1765 гг. позволяет утверждать, что до указа от 10 февраля 1763 г. 10 пункт 6 главы Воинских процессов был основным законодательным актом, регулировавшим применение пытки в отношении малолетних. В отдельных случаях на его основании выносился приговор. В соответствии с вышеуказанным пунктом, как его приводила в своих мнениях Московская Розыскная экспедиция, «последующие от пытки изъяты яко суть шляхта, служители высоких чинов, старые семидесяти лет, недоросли и беременные жены, все сии никогда к пытке подвержены не бывают, разве в государственных делах и убийствах»⁴⁰.

<23>

В 10 делах, рассмотрение которых было начато в Сыском приказе до февраля 1763 г., прямая ссылка на 10 пункт 6 главы Воинских процессов содержится в 9 экстрактах и мнениях, переданных из Сыского приказа и Московской Розыскной экспедиции в Экспедицию о колодниках в 1763-1764 гг.⁴¹ В 8 случаях (И. Попов, И. Иванов, И. Петров, П. Егоров, Т. Соколов, А. Андреева, Д. Петров, дело Г. Виноградова и И. Бахирева) она выступает в качестве основания о непримении в отношении несовершеннолетних подозреваемых пытки.

<24>

Следственные методы: пытка и пристрастные допросы

Сыской приказ последовательно применял 10 пункт 6 главы Воинских процессов, вынося постановления об изъятии несовершеннолетних от данного следственного метода даже в тех случаях, когда малолетнего подозреваемого «надлежало» пытать и об этом принималось соответствующее решение. Так, от пытки «за малолетством» был изъят обвинявшийся в убийстве семнадцатилетний Иван Петров, в то время как взрослые соучастники преступления были не только расспрошены, но и трижды пытаны⁴². Те же санкции (три пытки) были применены к совершеннолетнему Афанасию Васильеву, однако обвинявшегося вместе с ним в убийстве помещика одиннадцатилетнего Илью Иванова только допрашивали⁴³. Наибольший интерес в данной связи представляет дело шестнадцатилетнего Трофима Иванова «сына Соколова», который 8 января 1758 г. был представлен в приказ при доношении от поверенного «генеральши» Н.А. Стрешневой и обвинялся в участии в разбоях. В тот же день на первом допросе Т. Соколов винился «в бытии на двух разбоях». На следующий день Сыской приказ вынес резолюцию «по силе Уложения 21 главы 1648 150 пункту» Т. Соколова пытать. 15 января Соколов был взят «для пытки в застенки, токмо не пытан за болезнь». Во время болезни по его собственной просьбе Т. Соколов был допрошен 23 января и признался в участии в краже «ис дому госпожи Салтыковой ис кладовой платья». 17 февраля 1758 г. Сыской приказ

⁴⁰ Там же. Л. 119.

⁴¹ Дела: Ивана Попова, Данилы Петрова, Григория Виноградова и Ивана Бахирева, Аксиньи Андреевой, Пантелея Егорова, Максима Кордюкова.

⁴² Там же Л. 98-98 об.

⁴³ Там же. Л. 103.

постановил Т. Соколова все же пытать «по прежней резолюции». Он был приведен в застенки и тут «по усмотрению присутствующих явился малоростен». После этого было принято решение Соколова не пытать, а «спросить у дыбы» и направить запрос в Камер-коллегию о его возрасте. Она подтвердила малолетство Соколова, после чего пытка к нему не применялась⁴⁴.

<25>

Следствием изъятия несовершеннолетних от пытки во всех случаях становилась фактическая остановка в разбирательстве дел. Не имея возможности пытать, приказ не знал, как решать вопрос с «разноречиями» в допросах подсудимых и верить ли показаниям несовершеннолетних на третьих лиц. Помимо уже упоминавшегося дела Тимофея Соколова, подобная ситуация четко фиксируется еще в 6 случаях⁴⁵. В каждом из них Сыскной приказ, ссылаясь на отсутствие указа, разъясняющего, что с «малолетними чинить и каким образом в розысках с оными поступать», принимал решение об отправке соответствующего запроса в Сенат⁴⁶.

<26>

С указанными затруднениями Сыскной приказ сталкивался не единожды и в течение 1740-1750-х гг. семь раз направлял доношение в Сенат с просьбой о присылке указа⁴⁷. 11 июня 1746 г. был направлен запрос по делу двух несовершеннолетних воров-рецидивистов Матвея Кочетова (13 лет) и Андрея Баранова (14 лет)⁴⁸. 4 мая того же года в Сенат последовало доношение о малолетнем Василии Задорине, обвинявшемся в церковной краже⁴⁹. 15 июля 1749 г. со ссылкой на 6 пункт 10 главы Воинских процессов Сенату было направлено письмо о «винившемся в церковной татьбе» Никите Захарове (11 лет) «с требованием указа, как с <...> малолетними в розысках поступать и что с ними чинить и на кого показывать будут верить ли». Ответом Сената стало предписание «оного Захарова держать в Сыском приказе до указа». Запрос по делу Н. Захарова был повторен Сыскным приказом 13 апреля 1752 г., 15 февраля и 16 ноября 1753 гг., однако указ из Сената так и не был прислан⁵⁰. 17 ноября 1749 г. в Сенат было направлено доношение об обвинявшемся в убийстве 13-летнем Артамоне Никифорове⁵¹.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 124, 126-126 об.

⁴⁵ Подозреваемого в совершении убийства в 1749 г. Ивана Попова (11 лет); обвинявшегося в побеге и краже пожитков из дому своего помещика Ивана Авдеева (1761 г. 14 лет?); задержанного по той же причине Данилы Петрова (1762 г., 16 лет); виновных в убийстве Григория Виноградова (15 лет) и Ивана Бахирева (1752 г., 12 лет); учинившей поджог господского дома Аксины Андреевой (1752 г., 14 лет); подозреваемого в пристанодержательстве и продаже краденного Пантелея Егорова (1761 г., 14 лет?).

⁴⁶ Там же. Л. 26 об, 99 об, 112-112 об, 118, 137.

⁴⁷ Там же. Л. 6 об, 70 об.

⁴⁸ Там же. Л. 1041-1046 об.

⁴⁹ Там же. 1056-1059 об.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 99 об, 112 об, 137, 203 об, 1063-1087 об.

⁵¹ Там же. Л. 1078-1083.

<27>

Неприменение пытки не означало, однако, полного изъятия малолетних от допросов с пристрастием и других способов морального воздействия. Из 20 малолетних, экстракты о которых были отправлены из Сысского приказа и Московской Розыскной экспедиции в Экспедицию о колодниках, только 6 (Иван Попов, Василий Сафонов, Федор Пучков, Яков Муратов, Степан Лукьянов, Аксиныя Степанова) были «спрашиваны под плетями» или батогами. Один из несовершеннолетних – Пантелей Егоров, допрошивался «при пытках» других фигурантов дела. Характер дел, в которых были замешаны указанные малолетние, позволяет предположить, что подобные решения Сысского приказа мотивировались, во-первых, серьезностью инкриминированных обвинений (И. Попов, В. Сафонов, Ф. Пучков, Я. Муратов обвинялись в убийстве; П. Егоров в укрывательстве разбойничей шайки С. Серцова), а во-вторых, значительными «разноречиями» в показаниях подсудимых⁵².

<28>

Внимания заслуживает и тот факт, что при проведении следствия Сысской приказ и Московская Розыскная Экспедиция практически сразу начинают применять к малолетним подозреваемым положения именного указа «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» от 10 февраля 1763 г., а в особенности его 2-ой пункт. Он отдавал предпочтение собственным показаниям подсудимого, другим «улика», «увещеваниям» и повальному обыску, а не пытке⁵³. «Увещевания» через священника и повальный обыск в соответствии с 2 пунктом указа были применены к 9 малолетним (В. Сафонову, Ф. Пучкову, Я. Муратову, Н. Алексееву, И. Иванову, И. Лукьянову, И. Попову, С. Лукьянову, А. Степановой, Г. Пузикову). Причем в мнении по делу В. Сафонова от 5 июня 1763 г. присутствовала и предложенная в указе от 10 февраля 1763 г. мотивация подобных действий со стороны Сысского приказа – «не пытаться <...>, дабы напрасного кровопролития не было <...> лутче в неизвестности и не имея точного обличения виновного свободить, нежели невинного истязать»⁵⁴.

<29>

Приговоры

3. Заслуживающими внимания представляются наблюдения над мнениями Сысского приказа и Московской Розыскной экспедиции по делам, в которых фигурировали малолетние, а также приговорами, вынесенными на их основании Сенатом. Они позволяют прийти к следующим выводам: во-первых, санкции для данной категории преступников значительно смягчались, во-вторых, они дифференцировались в зависимости от тяжести преступления и возраста несовершеннолетнего на момент окончания следствия.

⁵² Там же. Л. 4 об - 8 об, 70-75 об, 24 об – 25 об, 31-48, 82-95 об, 135, 222 об, 228 об.

⁵³ ПСЗ. Т. XVI. № 11750.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 45.

<30>

Обычно в «мнении» Сысской приказ и Московская Розыскная экспедиция со ссылкой на соответствующие законодательные акты фиксировали наказание, которому подлежал бы преступник в случае совершеннолетия. Затем следовала ссылка на «несовершенство лет», или «малолетство», или указывался точный возраст, что служило основанием для смягчения санкции⁵⁵. Наказание (в основном это была смертная казнь, заменявшаяся по указу 30 сентября 1754 г. жестким наказанием кнутом, поставлением указных знаков и ссылкой в Нерчинск в работу вечно) предлагалось уменьшить, заменив его плетьюми и ссылкой⁵⁶.

<31>

В деле Максима Кордюкова, похитившего из церкви замок и ключи, мнение Московской Розыскной экспедиции содержало прямую ссылку на 10 пункт 6 главы Воинских процессов, который, таким образом, считался одним из законных оснований для смягчения приговора для несовершеннолетних⁵⁷.

<32>

Интереснее обстоит дело с «мнениями» по поводу дел, фигуранты которых на момент окончания следствия уже были совершеннолетними. Сысской приказ и Московская Розыскная экспедиция присуждали их к полной ответственности, ссылаясь на «указные лета» (В. Сафонов, Ф. Пучков, А. Андреева, Г. Виноградов, И. Бахирев, Т. Соколов, П. Егоров, С. Лукьянов)⁵⁸. Помимо этого в присутствии Московской Розыскной экспедиции могло проводиться специальное освидетельствование с целью выяснения того, смогут ли обвиняемые «снести» наказание. Оно имело место в отношении 5 малолетних (В. Сафонова, Ф. Пучкова, Г. Виноградова, И. Бахирева, С. Лукьянова).

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 172.

⁵⁶ Фекла Антипова, обвинялась в поджоге, «ныне имеет быть семнатцать лет, учинить жестокое наказание плетьюми и сослать в Нерчинск на поселение вечно»; Илья Иванов, обвинялся в убийстве, «за несовершенноными ево летами <...> надлежит, учиняя ему наказание, бить плетьюми и послать в работу вечно»; Игнатий Яковлев, обвинялся в краже церковного имущества, «за несовершенноными ево летами <...> надлежит учинить ему наказание кнутом, послать в ссылку в Нерчинск вечно»; Игнатий Лукьянов, обвинялся в краже из церкви, «за несовершенноными ево летами... надлежит, учиня наказание, бить плетьюми нещадно, послать в Нерчинск в работу вечно»; Максим Кордюков, обвинялся в краже из церкви, «по малолетству ево, учинить ему жестокое наказание плетьюми»; Акинья Степанова, обвинялась в поджоге, «учиняя <...> наказание плетьюми, свободить» и отдать на прежнее место жительства; Степан Лукьянов, обвинялся в краже и побеге от помещика, плети и отдача на прежнее место жительства; Григорий Пузиков, кража из церкви, «бить плетьюми нещадно <...> сослать в Сибирь к поселению вечно» // РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 131, 158, 166, 172, 220 об, 225-225 об, 232-232 об, 239.

⁵⁷ «а по малолетству ево, учиняя ему жестокое наказание плетьюми, из Розыскной экспедиции свободить и отдать <...> в дом <...> господина ево, кому надлежит с росписью, понеже в военном артикуле о процессах 6 главы в 10-м пункте напечатано в правах, последующия от пытки изъяты суть яко шляхта, служители высоких чинов, старые семидесяти лет, недоросли и беременные жены <...> и он Кордюков, хотя то преступление учинил, токмо, как выше значит, что он пятнадцати лет...» // РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 158-158 об.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 47-48, 116, 118-188 об, 128-128 об, 138, 232-232 об.

<33>

Таким образом, анализ ведомостей и экстрактов из дел о малолетних преступниках, присланных в Экспедицию о колодниках из Сысского приказа и Московской Розыскной экспедиции в 1763-1764 гг. позволяет сделать следующие выводы:

<34>

1. И Сысской приказ, и Московская Розыскная экспедиция достаточно широко трактовали возрастной предел совершеннолетия – до 19 лет.
2. Малолетние подозреваемые со ссылкой на 10 пункт 6 главы Воинских процессов были изъяты от пытки. К ним, однако, в особо тяжких случаях могли применяться допросы с пристрастием.
3. Несовершеннолетие было достаточным основанием для смягчения приговора по делу. Однако Московская Розыскная экспедиция полагала его возможным только в том случае, если обвиняемый оставался не «указных лет» на момент вынесения приговора.
4. Еще до издания Сенатского указа от 26 июня 1765 г. Сенат фактически стал судом первой инстанции по делам о преступлениях несовершеннолетних. Сысской приказ и Московская Розыскная экспедиция вели первичное следствие и предлагали Сенату свое «мнение», которое не обязательно должно было апробироваться последним.

Автор

Галина Олеговна Бабкова

канд. исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России средневековья и раннего нового времени, Историко-Архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

emme@mail.ru